

Особняк, укрывшийся на середине горного склона, был спокоен — но это спокойствие казалось неестественным.

Местность больше подходила для логова разбойников, чем для утончённого поместья.

В уединённом дворе этого отрезанного от мира владения мужчина мерил шагами каменную дорожку.

На первый взгляд он выглядел как обычный учёный — аккуратно одетый, с мягкими чертами.

Но при каждом движении под воротом мелькали следы грубых, неровных шрамов, выдававших совсем иную жизнь.

Он обернулся, когда к нему подошла женщина в чёрном.

— Где ты была? — спросил он.

Для Самран было необычным уходить куда-либо.

— Я ездила в Хунье, — ответила она медленно — почти слишком медленно, с той ленцой, что легко раздражала собеседника.

— В Хунье? Зачем?

— Хозяин велел привезти лекаря. Вежливо.

В её голосе слово «вежливо» звучало скорее как похитила, чем как пригласила.

И при этом в тоне не было ни малейшего напряжения.

— Лекаря?.. Значит... больной очнулся?

Брови мужчины глубоко сошлись.

Тот, кого их господин принёс на руках, казался при смерти — жизнь в нём держалась на тончайшей нити.

Но теперь — врач? Неужели он выжил?

— Все лекари, которых мы приводили, говорили, что это безнадежно. Я думала, хоть немного продлю ему дыхание. Но он — взял и выжил.

Самран слегка склонила голову, словно находя в этом забавную иронию.

Она была знакома с границей между жизнью и смертью, умела чувствовать, кто её перейдёт.

Это был первый случай, когда её чутьё подвело.

— Знала бы я, что всё так повернётся — пошла бы в целители, а не в убийцы, — усмехнулась она. — «Самран, Божественный врач Цинхая!» — звучит ведь величественно, да и прибыльно.

Её спутник тяжело вздохнул и покачал головой.

— Не тебе приписывать чудеса. Даже боги медицины отказались от этого больного.

Он не мог этого понять.

Впрочем, с самого начала во всём этом деле не было ничего, что можно было бы понять.

Их господин раз в год навещал Куньлунь.

Хотя никогда не поднимался на самую гору, он неизменно останавливался у реки у подножия, наливал вино и оставался там до заката.

Но в этот раз, когда Чэ Халянь, как обычно, отправился туда с бутылкой хорошего вина, он нашёл на берегу мужчину, рухнувшего в грязь.

Прежде чем кто-либо успел его остановить, господин бросился вперёд и поднял незнакомца на руки.

Сначала Цзиньён решил, что тот мёртв.

Он понял, что ошибся, лишь когда Халянь вскочил с телом на руки и крикнул велеть доставить лекаря в их имение в Цинхае.

Увидеть своего господина, который обычно и внимания не обращал на врачей, в отчаянных попытках спасти умирающего — такого Цзиньён, служивший ему дольше всех, не видел никогда.

— Сам по себе тот факт, что кто-то пережил резню в Куньлуне, уже невозможен. А то, что он появился именно в тот день, когда туда пришёл господин, — разве это не слишком странное совпадение?

Самран, услышав его раздражённый тон, цокнула языком.

— Цзиньён, ты слишком много думаешь.

— А ты — слишком мало.

Упрёк, однако, не произвёл на неё впечатления. Она лишь пожала плечами, безразлично.

— И чего переживать? Если из этого выйдет что-то плохое... — Она запнулась, уголки губ изогнулись в едва заметной насмешке.

— Господин сам разберётся. — Холодные слова, особенно от той, что сама помогала сохранить жизнь этому человеку.

— Если бы я думал, что он разберётся, я бы и не волновался! —

Раздражение прорвалось в голосе Цзиньёна.

Их господин был человеком, к которому цеплялось слишком много теней, слишком много неразрешённых уз.

За все годы службы Цзиньён видел, как Халянь с равнодушием отмахивался от прошлого.

Но не в этот раз.

— Всё не так, — сказал он глухо. — Ты ведь и сама чувствуешь.

Самран лениво прищурилась, всё с тем же спокойствием, от которого хотелось схватиться за меч.

— Тогда смотри и жди, — ответила она. — Ты ведь помнишь, да?

— Что помню?

— Что здесь решения принимает только господин.

С этими словами она прошла мимо, её лёгкие, неторопливые шаги едва касались каменных плит двора.

Её предостережение, мягкое и безразличное, прозвучало так же пусто, как вечерний ветер.

Цзиньён тяжело выдохнул, плечи бессильно опустились.

— Если всё это окажется ловушкой, подстроенной этими ублюдками из «праведных сект»... Боги, похоже, только я тут теряю сон из-за этого, — пробормотал он себе под нос.

Бросив взгляд в сторону главного зала, где находился его господин, он нахмурился.

С того самого дня, как Чэ Халянь принес гостя на руках, он не отходил от него ни на шаг.

— Нам ведь скоро придётся возвращаться... —

Он потер висок, устало выдохнув. Но, как сказала Самран, решение было не за ним.

Если господин желал оставаться в этом отдалённом поместье — они останутся.

Если он решит бросить вызов самой смерти, лишь бы спасти умирающего — тогда хватать Жнеца за горло входило в обязанности слуги.

Пусть только ничего не случится.

С этой безмолвной молитвой Цзиньён развернулся и пошёл в противоположную сторону от той, куда ушла Самран.

— Значит, пациент был слеп? И... кровоточил из глаз?

Врач недоверчиво провёл рукой перед лицом Егёля. Тот послушно проследил движение, скрывая скуку под вежливым выражением.

— Пять разных врачей дали одно и то же заключение, — холодно ответил Халянь сбоку.

Они не были знакомы друг с другом. Сговор исключён.

Егэль слегка повернул голову на голос.

Старший брат выглядел иначе — больше не в белоснежных куньлуньских одеждах, а в тёмно-синем шёлке, достойном состоятельного торговца.

Но изменилась не одежда — изменилась аура.

Мягкое смирение, что когда-то отличало Чэ Халяня, превратилось в тихую властность.

Теперь он двигался как человек, привыкший отдавать приказы — и видеть, как им подчиняются.

Ну что ж, он всегда был рожденным лидером.

Если бы не возглавил Куньлунь, то хотя бы стал бы его главным мечом.

Но всё же это перемена тревожила. Егёль с трудом подавил беспокойство.

— Что ж, — весело сказал врач, — значит, пациент прилежно принимал лекарство. Удивительное выздоровление!

Слава небесам, что этот человек оказался оптимистом.

Даже в Корее XXI века, с медициной и направляющими протоколами, подобная скорость восстановления сочли бы чудом.

Наша резонансность слишком высока.

Для подтверждения не нужны были приборы.

Сам по себе факт, что эспер после буйства остался жив, уже был чудом.

Но это... это выходило за рамки возможного.

Они ведь даже не обменивались энергией напрямую — не касались губами.

Просто держались за руки.

И всё же тело Егёля восстанавливалось с невозможной скоростью.

Если бы мы были в Корее, мой старший брат считался бы высокоранговым гидом — тем, чьё тестирование ограничено законом и политикой.

Егёль посмотрел на свои руки — чистые, без единого следа травм.

Теперь всё имело смысл. Халянь должен быть Гидом S-ранга.

Даже если уровень эспера выше, полная синхронизация может усилить направляющее воздействие во сто крат.

А если гид и сам был высокоранговым... результат был очевиден.

Как бы то ни было, я должен оставаться рядом с ним.

Настоящая совместимость между эспером и гидом — чудо, что случается один раз в жизни.

А здесь — не Корея. Нет Центра. Нет базы данных резонансных паттернов.

Если он потеряет Халяню, ему придётся прочёсывать весь Чжунъюань, касаясь людей одного за другим, пока не найдёт новую пару.

Проще искать иглу в метели.

Даже посвятив этому жизнь, он не обошёл бы и десятой доли земель.

А к тому времени его тело просто разрушилось бы под тяжестью неконтролируемой силы.

Егёль спрятал отчаяние за мягкой улыбкой.

Даже если Халянь был изгнан из Куньлуня, они всё ещё были мастер и ученик.

Принять от него направляющую энергию — почти святотатство, измена секте.

Если это всплывёт наружу, обоим грозят тяжкие наказания.

Ученику вождедеть старшего брата... какой большой скандал может быть?

Согласился бы Халянь на такое?

Если нет... сможет ли Егёль довольствоваться лишь рукопожатием?

Я не знаю.

Но одно было ясно: он не может отпустить.

Не ради устаревших принципов, не ради страха.

Когда их взгляды встретились, Егёль улыбнулся нежно — по-детски искренне.

Он не помнил многого из прошлой жизни, но был уверен:

Халянь всегда предпочитал тех, у кого доброе сердце.

— Если будете избегать яркого света, зрение полностью восстановится, — сказал врач.

Егёль отложил свои мысли в сторону, наблюдая, как тот собирает инструменты и вытирает руки влажной тканью.

— Когда этот медведь из вашего дома закинул меня на лошадь, я думал, не доживу до места, — пошутил лекарь, лицо его теперь порозовело, словно после крепкого вина.

— Ах, вижу, моё распоряжение доставить вас вежливо было... неправильно истолковано, — мягко заметил Халянь. — Но состояние больного было критическим. Надеюсь, вы простите подобную резкость.

Он протянул лекарю тяжёлый мешочек — тот низко поклонился, снова и снова, прежде чем уйти.

Егёль не мог не удивляться.

Человек, которого он помнил, был прямолинеен до чрезмерности — праведный, почти наивный.

А этот Халянь двигался с непринуждённой уверенностью человека, привыкшего к правилам мира — и к тому, как их обходить.

Как странно, подумал Егёль, что время способно изменить даже самого чистого человека.

Дверь плотно закрылась за уходящим врачом.

Халянь повернулся — но вместо облегчения на его лице застыла тревога.

— Старший брат?

Он поднял глаза, будто вынырнув из глубоких мыслей.

Взгляд — тёмный, бурный, непроницаемый.

Совершенно чужой.

— Не стоит беспокоиться, — мягко сказал Егёль. — Врач ведь сказал, что со мной всё в порядке.

— Конечно, я рад, что ты поправляешься, — ответил Халянь тихо. — Но не могу избавиться от чувства, что-то не так.

Тень его высокого силуэта легла на Егёля — тяжёлая, замыкающая.

— Что, если мы что-то упустили? — пробормотал он, всё ещё удерживая его за руку.

Егёль лишь слабо улыбнулся.

Если Халянь продолжит держать его вот так — он, наверное, сможет прожить до ста лет, ни разу не заболев.

Объяснить ему суть направляющей связи было невозможно — не в этом мире.

Если он попробует, это прозвучит как ересь или развёрщённая техника двойного культивирования.

Если я скажу, что могу стабилизировать свою энергию одним поцелуем, он решит, что это непристойная секта...

И всё же в этом мире мастера могли разбивать камни голыми руками, ходить по воде и даже летать — и никто не считал это чудом.

— Со мной всё будет хорошо. Ведь у меня есть ты, правда?

Слова были искренни.

Любой эспер, у которого есть гид, заботящийся о нём так, не способен умереть.

Некоторые жаловались, что направляющие отнимают у них волю, насильно вталкивают жизнь туда, где она уже иссякла.

Но для тех, у кого не было никого — кто угасал, телом и душой, в одиночестве — подобные жалобы звучали как издёвка.

Гиды могли жить без эсперов.

А эсперы без гидов — нет.

Они умирали медленно, мучительно.

Егёль видел это не раз в Центре Способностей.

Ему повезло: его сила была запечатана в момент пробуждения, что дало время научиться контролю.

Один эспер тогда предупредил его — никогда не снимай печать, пока не найдёшь своего гида.

— Как долго мне ещё лежать в постели? — спросил Егёль как можно непринуждённое, хотя на самом деле проверял почву.

С тех пор как он очнулся, он видел лишь своего старшего брата и изредка врачей.

Если он хотел понять, что произошло — или какой теперь стал этот мир, — ему нужна была информация.

Но Халянь почти ничего не говорил.

Он не спросил, как Егёль выжил, не рассказал ничего о себе — кроме единственной фразы: «Теперь я торговец.»

— Что ж...

Ответ Халяня прозвучал медленно, обдуманно.

При дрожащем свете свечи тень от его взгляда легла длинной и тяжёлой паузой.

— Когда ты хорошо поешь, отдохнёшь и полностью восстановишься... тогда и поговорим.

...Это что, заключение?

<http://bllate.org/book/12382/1104350>